ŋqdqɐeꓤ bɆ dədɆbꓤзə b ɕɔɑbɔɐ Ɉqddꓤqɐè

И. А. Бунин

Дневник 1917--1918 гг.

Собрание сочинений. Том восьмой.
Окаянные дни. Воспоминания.
Статьи и выступления. 1918--1953
Московский рабочий. 2000
Scan ImWerden
OCR Ловецкая Т. Ю.

Дневник

1917--1918 гг.

Глотово. 1 августа 1917г. Хорошая погода. Уехала Маня. Отослал книгу Нилуса Клестову. Письмо Нилусу. Низом ходил в Колонтаевку. Первые признаки осени -- яркость голубого неба и белизна облаков, когда шел среди деревьев под Колонтаевкой, по той дороге, где всегда сыро.

Слух от Лиды Лозинской, -- Ив. С. в лавке говорил, что на сходке толковали об "Архаломеевской ночи" -- будто должна быть откуда-то телеграмма -- перебить всех "буржуев" -- и что надо начать с Барбашина. Идя в Колонтаевку, зашел на мельницу -- то же сказал и Сергей Климов (не зная, что мы уже слышали, что говорил Ив. С.): на деревне говорили, что надо вырезать всех помещиков.

Позавчера были в Предтечеве -- Лихарев сзывал земельных собственников, читал устав "Союза земельных собственников", приглашал записываться в члены. Заседание в школе. Жалкое! Несколько мальчишек, Ильина с дочерью (Лидой), Лихарев (Коле сказал -- "риторатор"), Влад. Сем., Коля, я (только в качестве любопытного), что-то вроде сельского учителя в старой клеенчатой накидке и очках (черных), худой старик (вроде начетчика), строгий, в серой поддевке, богач мужик (Коля сказал -- Саваоф), рыжий, босый, крепкий сторож училища. У всех последних страшное напряжение и тупость при слушании непонятных слов устава. Приехал Абакумов, привез бумаги на свои владения, все твердил, что его земля закреплена за ним, "остолблена его величеством". Думал, что членские взносы пойдут на "аблаката" (долженствующего защищать интересы земельных собственников).

Генерал Померанцев, гостящий у Влад. Сем., замечательная фигура.

Абакумов вернулся вместе с нами, возбужденный. "Ну, записались! Теперь чтой-то даст Бог!"

2 августа. Очень холодное, росистое утро. Юлий и Коля ездили в Измалково.

День удивительный. В два часа шли на Пески по саду, по аллее. Уже спокойно, спокойно лежат пятна света на сухой земле, в аллее, чуть розоватые. Листья цвета заката. Оглянулся -- сквозь сад некрашеная железная, иссохшая крыша амбара блестит совершенно золотом (те места, где стерлась шелуха ржавчины).

Перечитывал Мопассана. Многое воспринимаю по-новому, сверху вниз. Прочитал рассказов пять -- все сущие пустяки, не оставляют никакого впечатления, ловко и даже неприятно щеголевато-литературно сделанные.

Был Владимир Семенович. Отличный старик! Как Абакумов, не сомневается в своем пути жизненном, в своих правах на то и другое, в своих взглядах! Жалуется, что революция лишила его прежних спокойных радостей хозяйства, труда.

3 августа. Снова прекрасный день, ветер все с востока, приятно прохладный в тени. На солнце зной. Дальние местности в зеленовато-голубом тумане, сухом, тончайшем.

Продолжаю Мопассана. Места есть превосходные. Он единственный, посмевший без конца говорить, что жизнь человеческая вся под властью жажды женщины.

В саду по утрам, в росистом саду уже стоит синий эфир, сквозь который столбы ослепительного солнца. До кофе прошел по аллее, вернулся в усадьбу мимо Лозинского, по выгону. Ни единого облачка, но горизонты не прозрачные, всюду ровные, сероватые. Коля, Юлий, я ездили в Кочерево к Ф<едору> Д<митриевичу> за медом. Возвращались (перед закатом), обогнув Скородное. Разговор, начатый мною,

ŋqdqɐeꓤ bɆ dədɆbꓤзə b ɕɔɑbɔɐ Ɉqddꓤqɐè